

СТИХОТВОРЕНИЕ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА «К ОТЕЧЕСТВУ» И ЕГО РЕЧЬ В «ДРУЖЕСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ»

Статья Ю. М. Лотмана

Расцвет политической лирики в 1810-х годах и в первой половине 1820-х годов, жанра, наиболее полно выразившего литературную программу декабристов, связан с формированием общественно-политических воззрений дворянских революционеров и отражает этапы и пути развития их идеологии. Однако работы советских исследователей показали, что декабристы в борьбе за высокую гражданскую поэзию сознательно ориентировались на определенные литературные традиции. Поэзия декабризма связана с русской вольнолюбивой поэзией и, прежде всего, с гражданской лирикой первого десятилетия XIX в.¹ Без изучения этих связей невозможно и подлинно историческая оценка литературной программы декабристов. Несмотря на ряд ценных работ последних лет, некоторые интереснейшие поэтические произведения этой эпохи все еще находятся вне поля зрения исследователей. К числу последних следует отнести стихотворение Андрея Ивановича Тургенева (1784—1803) «К отечеству»², опубликованное в 1803 г. в «Вестнике Европы»:

К ОТЕЧЕСТВУ

Сыны отечества клянутся,
И небо слышит клятву их!
О, как сердца в них сильно бьются!
Не кровь течет, но пламя в них.
Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебе служить:
Вот наше звание прямое!
Мы жизнь свою своей купить
Твое готовы благоденство.
Погибель за тебя — блаженство,
И смерть — бессмертие для нас!
Не содрогнемся в страшный час
Среди мечей на ратном поле,
Тебя, как бога, призовем,
И враг не узрит солнца боле,
Иль мы, сраженные, падем —
И наша смерть благословится!
Сон вечности покроет нас;
Когда вздохнем в последний раз,
Сей вздох тебе же посвятится³.

Появление такого яркого патриотического стихотворения закономерно вытекало из всей литературной программы Андрея Тургенева, во многом предвосхищавшей декабристские воззрения на литературу. Анализ этой программы, без которого невозможно и историко-литературная оценка стихотворения «К отечеству», подводит нас к рассмотрению внутренней жизни «Дружеского литературного общества» — литературной организации, атмосфера которой во многом определила развитие взглядов Андрея Тургенева.

Обстоятельная работа В. М. Истрина «Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев»⁴ и две специально посвященные «Дружескому литературному обществу» статьи⁵ не вскрыли во всей полноте картины внутренней жизни Общества. Рассматривая его как этап на пути от «Дружеского ученого общества» к «Арзамасу», автор совершенно игнорирует политические интересы ведущей группы членов «Дружеского литературного общества». Яркие политико-патриотические выступления он рассматривает лишь как досадные и не играющие большой роли пережитки старого.

«Оно <общество> не могло еще отделаться от старых привычек — произносить речи на моральные и политические (патриотические) темы; но участники Общества чувствовали, что идти лишь по старой дороге невозможно, им становилось скучно; отсюда возникало недовольство...»⁶. Итак, противники политической направленности Общества объявляются борцами против масонских влияний. Изучение материалов Общества заставляет отвергнуть подобное толкование.

Замечания о «Дружеском литературном обществе» разбросаны также в работах, посвященных Жуковскому⁷. Однако в этом случае Общество привлекалось лишь в плане изучения литературного окружения Жуковского и рассматривалось как этап в развитии русского сентиментализма, как своеобразное проявление экзальтированного культа дружбы.

Существование «Дружеского литературного общества» было кратковременным. 12 января 1801 г. состоялось его первое заседание, а в ноябре того же года Общество уже, видимо, перестало существовать.

Распад его был вызван не только внешними причинами (отъезд Андрея Тургенева из Москвы сначала в Петербург, а затем за границу), но и напряженной внутренней борьбой, которая разгорелась в Обществе с первых же заседаний.

Расхождение мнений между отдельными членами очень скоро вызвало раскол Общества на два противоположных лагеря: «...с сердечным сожалением вижу я, — отмечал Андрей Тургенев на собрании 16 февраля 1801 г., — что мы разделены, так сказать, на две части, и та и другая порознь в короткой связи между собою, между тем как некоторые из нас недовольно еще между собою сближены» («Речи, говоренные в собраниях Дружеского литературного общества». — Архив Тургеневых, л. 43. — В дальнейшем, при цитатах из этого источника, мы указываем только листы)⁸.

Каковы же были эти группы и в чем заключалось расхождение между ними?

Отвечая на этот вопрос, не следует забывать, что по целому ряду причин борьба в кружке Андрея Тургенева, — а она отражала развитие противоречий в литературе 1800-х годов, — не достигла еще той степени, при которой теоретические столкновения приводят к разрыву личных дружеских связей. Кроме того, на жизнь Общества накладывала отпечаток крайняя молодость младшей группы участников, чьи взгляды не отличались достаточной устойчивостью.

Члены первой группы, в которую входили сам Андрей Тургенев, Андрей Кайсаров и А. Ф. Мерзляков (позиция которого имела, впрочем,

некоторые отличия), видели в литературе средство пропаганды гражданственных, патриотических идей, а сама цель объединения мыслилась ими не только как литературная, но и как общественно-воспитательная. «Разве нравственность и патриотизм не составляют также предмета наших упражнений?» — спрашивал Мерзляков, обращаясь к товарищам по Обществу (л. 20 об.). Материалы заседаний показывают, что недалеко от позиции этих членов в ту пору был и А. Ф. Воейков.

Вторую группу составляли Жуковский, Михаил Кайсаров, Александр Тургенев и, несколько позднее, С. Е. Родзянко. Здесь господствовали связанные с карамзинской школой — проповедь интимно-лирических тем в поэзии, покорности провидению и интерес к субъективно-идеалистической философии, а в речах Родзянко — прямой пиетизм. Вполне естественно, что при такой противоположности мнений не замедлила завязаться полемика.

По глухим намекам можно предполагать, что разногласия возникли уже в связи с первым актом деятельности Общества — избранием председателя. Об этом свидетельствуют в речи Мерзлякова разъяснения прав «первого члена», имеющие характер явной защиты от чьих-то нападок. Это же отразилось в черновых набросках выступления Андрея Тургенева, хранящихся в архиве Жуковского. Оратор отводит высказанные кем-то обвинения в «тирании» со стороны «первого члена». Основные столкновения, однако, связаны были с более принципиальными вопросами.

На первых двух заседаниях выступал с речами Мерзляков. Главное содержание обоих выступлений — проповедь гражданского служения отечеству. Цель оратора — «возжечь» в слушателях «энтузиазм патриотизма». «Каждый из нас, — говорил Мерзляков, — человек, гражданин, каждый из нас — сын отечества» (л. 12). Оратор доказывал, что деятельность собрания нельзя ограничивать рамками чисто литературных споров.

«Мал тот, — продолжал он, — кто хочет быть только астрономом; несчастливые братья его на земле, а не на планете сатурновой; мал тот, кто хочет быть только героем; кровь не украсит лаврового венца его, когда станет он пред престолом правды, звук побед его не заглушит проклятый разоренного, сердце его не согреется от бриллиантовой звезды, которая украшает его грудь; мал тот, кто хочет быть только оратором, стихотворцем, сочинения его холодны, если не воспламенит их любовь сердечная, советы его не отрут слез угнетенной невинности, прекрасные мысли его не утолят голода нищему» (л. 15—15 об.).

Такое начало определило дальнейший ход заседаний. Выступлением Мерзлякова инициаторы Общества недвусмысленно заявили, что рассмотрение литературных вопросов интересует их лишь как часть самовоспитания в духе гражданственности и патриотизма. В последовавшем затем выступлении Воейкова вопросы литературы вообще не были затронуты.

Воейков произнес речь, посвященную деятельности Петра III. Значение и смысл этого выступления в литературе в должной мере не оценены. В. М. Истрин характеризует ее как «сплошной панегирик»⁹. На оценку эту, вероятно, оказало влияние отношение к личности Воейкова в значительно более позднее время. Анализ позиции Воейкова в Обществе подводит к иной характеристике этого выступления.

Прежде всего следует остановиться на уточнении времени произнесения речи. В сборнике речей она помещена под № 3 без указания даты. Поскольку № 2 — речь Мерзлякова — помечена 19 января 1801 г., а № 4 — речь Михаила Кайсарова — 26 января, то, если вспомнить, что заседания происходили раз в неделю, следует сделать вывод, что речь Воейкова была, видимо, произнесена на том же заседании 19 января, на котором

выступал и Мерзляков. Этим, по всей вероятности, и объясняется отсутствие перед ней даты. Итак, речь Воейкова была произнесена в последние месяцы царствования Павла I. Тема речи не могла возбудить подозрения властей: восхваление Петра III соответствовало официальным тенденциям. Однако из этого не следует, что речь Воейкова была официозной. Дело в том, что характер правительственной деятельности Петра III подвергался в последней трети XVIII в. довольно часто весьма своеобразному освещению.

К. В. Сивков на основании детального изучения материалов Тайной экспедиции приходит к выводу, что «неправильное толкование манифеста 18 февраля 1762 г. о дворянской вольности и свободе, как такого акта, за которым должно было последовать и освобождение крестьян от работы на помещика, указ о разрешении старообрядцам, бежавшим в Польшу и другие заграничные земли, возвратиться в Россию, (...) уничтожение Тайной канцелярии (...)» — все это создавало ему своеобразную популярность и порождало надежды, что с возвращением его на престол осуществляются народные чаяния о воле, земле, освобождении от рекрутчины, тяжелых налогов и т. п. Отсюда многочисленные попытки использовать имя Петра III в классовой борьбе того времени¹⁰. Не только крестьянская масса, но и некоторые представители передовой общественной мысли были склонны именно в таком направлении толковать характер деятельности свергнутого императора. Как указывает тот же автор в неопубликованной диссертации «Очерки по истории политических процессов в России последней трети XVIII в.» (хранится в ЛБ), в бумагах Кречетова была обнаружена интересная запись: «Объяснить великость дел Петра Третьего».

Однако, чтобы определить справедливость оценки, данной В. М. Истриным речи Воейкова, обратимся к ее тексту. За что же прославляет Воейков Петра III? Прежде всего за уничтожение Тайной канцелярии. В условиях террористического режима Павла I, Воейков под видом прославления отца царствующего императора дает ему смелую памфлетную характеристику. Тайную канцелярию он называет «тиранским трибуналом, в тысячу раз всякой инквизиции ужаснейшим», «в ужас сердца наши приводящим судилищем, обагрившим Россию реками крови». Призывая слушателей «бросить патриотический взор на Россию» до Петра III, оратор рисует красноречивую картину, беспорно вызывавшую в эпоху Павла I ассоциации с современностью: «...мы увидим ее <Россию. — Ю. Л.>, обремененную цепями, рабствующую, не смеющую произнести ни одного слова, ни одного вопля против своих мучителей; она принуждена соплетать им лживые хвалы тогда, когда всеобщее проклятие возгреметь готово (...) Коварство и деспотизм, вооруженные сим варварским словом <слово и дело. — Ю. Л.>, острили косу смерти, чтоб еще посекаль цвет сынов России, еще продолжить царствование свое на престоле, из героев и костей невинных россиян воздвигнутом» (лл. 26 об. — 27).

Далее автор обращается к другой заслуге Петра III — дарованию вольности дворянской. Вопрос этот тоже звучал актуально. Постоянное нарушение Павлом I (стремившимся в страхе перед революцией подавить даже дворянский либерализм) вольности дворянской (например, известное дело прапорщика Рожнова) чрезвычайно раздражало дворянское общество. Оно усиливало столь типичную для павловского царствования атмосферу бесправия и неуверенности. Насколько болезненными были эти настроения, свидетельствует то, что одним из первых актов правительства Александра I было подтверждение жалованной грамоты дворянству и уничтожение Тайной экспедиции 2 апреля 1801 г.

Воейков не прошел мимо важнейшего вопроса эпохи — крепостного права. Поводом для этого была своеобразно истолкованная секуляризация

церковных земель. Этот акт оратор объяснял как шаг к полному освобождению крестьян: «...мудрое, человеколюбивое, великое дело, поставляющее в храме добродетели имя Петра III подле имен величайших законодатцев, есть отобрание деревень монастырских; четвертая часть сынов России — миллионы полезных рук — кормили праздных паразитических членов государства — монахов, и сии тунеядцы из любви ко... <многоточие в рукописи. — Ю. Л.> отягчали добрых, бесхитростных поселян тяжелыми цепями. Петр III, оживленный великим предприятием, снял с них оковы, рек им: вы свободны!» (л. 28—28 об.).

ВИД НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА ОТ ФОНТАНКИ

Акварель А. Е. Мартынова, 1800-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

Свою речь Воейков заканчивал призывом встретить, в случае надобности, ради отечества смерть на эшафоте. Обращаясь к Петру III, Воейков говорил: «Воззри на собравшихся здесь юных россиян, оживленных пламенной любовью к отечеству! И если нужна кровавая жертва для его счастья, вот сердца наши! Они не боятся кинжалов! Они гордятся такою смертью. Самый эшафот есть престол славы, когда должно умереть на нем за отечество!»¹¹ (л. 29 об.—30).

Подобные выступления имели настолько неприкрыто-политический характер, что Андрей Тургенев даже был вынужден напомнить об осторожности. На собрании 16 февраля 1801 г. он, возможно имея в виду и неизвестные нам прения вокруг выступления Воейкова, предостерегал: «Отчего говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто бы собрались здесь для того, чтобы разбирать права человека?» (л. 41).

Однако, как выясняется из дальнейшего текста его речи, Андрей Тургенев сам призывал товарищей по Обществу готовить себя к тому времени, «когда отечество наше, когда страждущая, притесненная бедность будет требовать нашей помощи» (л. 41—41 об.).

Стремление некоторых членов придать заседаниям политический, общественно-воспитательный характер встретило противодействие. Андрей Тургенев имел все основания утверждать, что споры по вопросам политики «нарушают согласие нашего собрания» (л. 41). В самом деле, часть членов, разделявшая политико-философские воззрения Карамзина, предприняла попытку изменить характер деятельности Общества.

26 января, на следующем после выступления Воейкова заседании, произнес речь Михаил Кайсаров. Мерзляков, Андрей Тургенев, Воейков в своих речах привлекали внимание членов Общества к насущным вопросам окружающей действительности, к гражданскому служению общему благу; М. С. Кайсаров же доказывал субъективность человеческих представлений, делая из этого вывод о беспечности всякого рода общественной деятельности. Считая, что «удовольствия существующие, в сравнении с теми благами, которыми воображение заставляет нас наслаждаться», не имеют никакой цены, Кайсаров отказывался признавать значение общественной деятельности: «Если бы я хотел входить в дальнейшие исследования, если бы хотел коснуться общественных постановлений, коснуться правил религии, тогда стал бы я утверждать систему Беркилаеву <Беркли>, который говорит, что все видимое, весь мир, все миры и мы все — не что иное, как мечта» (лл. 31, 35).

Мысли, высказанные Михаилом Кайсаровым, связаны с широко распространенной в дворянской литературе тех лет тенденцией. В последние годы XVIII в., столь богатые революционными событиями в России и на Западе и сопровождавшиеся усилением правительственной реакции, писатели карамзинского направления развивались в сторону умеренного консерватизма. Одной из сторон этого процесса было усиление субъективистских элементов в философии, сближение с воззрениями кружка А. М. Кутузова 1780-х годов. Сближение это четко обозначилось в содержании сборника «Аглая». В дальнейшем, в годы павловского царствования, философская позиция Карамзина окончательно приобрела законченность.

Агностицистские рассуждения проходят через весь «Пантеон иностранной словесности», издававшийся Карамзиным. Впечатления человека определяются не объективными свойствами предметов, а субъективным состоянием наблюдателя: «Внутреннее расположение сердца изливается на наружные предметы»¹². В записной книжке Карамзина за те же годы находим: «Время — это лишь последовательность наших мыслей»¹³.

Из этих предпосылок следовали совершенно определенные общественно-политические выводы. Их высказал Карамзин еще в послании «К Дмитриеву» (1794). Это — убеждение в бессмысленности попытки разумного переустройства мира и отказ от общественной деятельности. Внимание человека должно быть направлено не на объективную действительность (которую Карамзин называл «китайскими тенями своего воображения»), а лишь на внутренние, субъективные переживания¹⁴.

Взгляды представителей карамзинской школы не могли встретить сочувствия у людей типа Андрея Тургенева или Мерзлякова, относившихся в это время к позиции Карамзина резко отрицательно. Сторонник демократической литературы XVIII в., Мерзляков враждебно относился к дворянской эстетике карамзинистов. В разборе «Россиады» Хераскова он отрицательно отзывался о карамзинском направлении в литературе: «В чем же мы по сие время подвинулись? — конечно, во многих *мелких* <курсив мой. — Ю. Л.> приятных сочинениях, вообще в чистоте и наружной изящности слога <...> Отчего главное богатство новейших произведений состоит токмо в романах, в эпиграммах, в шутивных посланиях, в водевилях, песенках и в пиесах, которые совсем не знаешь, к какому

отнести роду?»¹⁵. Следует указать также на антикарамзинский памфлет А. С. Кайсарова «Свадьба Карамзина». На позиции Андрея Тургенева в этом вопросе мы остановимся в дальнейшем.

Тем более декларативный характер приобрело выступление Жуковского 24 февраля 1801 г., пропагандировавшего программные принципы Карамзина. Выступление свое Жуковский начал с пространной цитаты из послания Карамзина «К Дмитриеву», а затем перешел к анализу центральных положений программного предисловия к сборнику «Аглая». Достаточно сравнить начало обоих документов.

У Жуковского: «Мы живем в печальном мире и должны — всякий в свою очередь — искать горести, назначенные нам судьбою...».

У Карамзина: «Мы живем в печальном мире, но кто имеет друга, тот пади на колени и благодари всевышнего.

Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель...»¹⁶.

Или:

Мы живем в печальном мире,
Всякий горе испытал,
В бедном рубище, в порфире...¹⁷.

Выступление Жуковского на осталось без ответа. Спор разгорелся вокруг понятия дружбы. Жуковский с идеалистических позиций, считая жертву основой морали (а за этим стояло убеждение в исконной противоположности общих и частных интересов), отказывался признать дружбой союз, не основанный на «бескорыстном» самопожертвовании. «Вы, конечно, согласитесь со мною, — обращался он к членам Общества, — что человек соединен с человеком некоторым внутренним чувством родства, данным ему от природы, а может быть еще больше своими *собственными выгодами* <...>, но вы согласитесь также, что сей союз, сколь он, впрочем, ни силен, *не может называться именем дружбы*» <курсив мой. — Ю. Л.> (л. 45—45 об.).

Против Жуковского выступил Мерзляков. «*Польза*, — говорил он, — тот магнит, который собрал с концов мира рассеянное человечество <...> *Польза*, друзья мои, то существо, которое соединило нас здесь. Мы одевали его, по обычаю всего света, в разные пышные одеяния, давали ему многообразные имена, поклонялись ему под видом дружбы, под видом братства и проч..., может быть от того самого терял он свою силу. Полно мечтать о будущем! Перестанем искать причину нашей холодности или причину нашей привязанности к собранию в отдаленных облаках, рождаемых воображением нашим — что же делать? *Надобно раскрывать пользу, которую всякий из нас надеется получить от собрания*» <курсив мой. — Ю. Л.> (л. 53—53 об.). Центром борьбы сделалась оценка карамзинизма.

Выступление Андрея Тургенева (видимо, на заседании 22 марта) было направлено на развенчание Карамзина.

Борьба в Обществе усложнилась выступлениями С. Е. Родзянко. Андрей Тургенев считал, что о религии здесь «никогда бы упоминать не должно» (л. 41), и даже Михаил Кайсаров выражал сомнение в бессмертии души и загробной жизни. Родзянко же был настроен откровенно-мистический. Об отношении к нему ведущей группы членов Общества свидетельствует высказывание А. С. Кайсарова в письме к Андрею Тургеневу: «Как бы ты думал, о чем мне случилось говорить с Родзянкою? О боге. Он много в<рал? верил?> и потому он не нашего поля ягода»¹⁸.

В такой кипучей, противоречивой атмосфере Общества складывалась литературная программа Андрея Тургенева. За свою короткую жизнь он пережил стремительную идейную эволюцию. Массонские идеи, в кругу

которых вращалось старшее поколение тургеневского дома, очень скоро перестали его удовлетворять. Андрей Тургенев, бесспорно, мог бы присоединиться к словам своего брата Александра, писавшего в 1810 г. Николаю: «Я не принадлежу и не буду принадлежать ни к одной» (ложе. — Ю. Л.)¹⁹.

1790-е годы отмечены для Андрея Тургенева влиянием Карамзина. В этом отношении характерен черновой набросок, хранящийся в архиве Жуковского. Андрей Тургенев развивает здесь любимую мысль Карамзина о субъективности человеческих представлений и заканчивает прямой апологией Карамзину: «По большей части вещи кажутся нам хороши или худы не потому, что они таковы в самом деле, но по расположению души нашей истинно прекрасная вещь может казаться нам то прекрасна, то посредственна и даже худа...». Далее он говорит о том, что впечатление от литературных произведений определено субъективным состоянием читателя. В минуту счастья надо читать Карамзина. «Тогда песнь „К милости“ извлечет тихие, блаженные слезы из глаз твоих, и „Цветок на гр(об) м(оего) А(гатопа)“ исполнит душу твою ни с чем не сравненными ощущениями»²⁰.

Однако очень скоро Карамзин перестал быть в глазах Андрея Тургенева непререкаемым авторитетом. Эпоха павловской реакции была для него временем обострения интереса к политике. Идеалом его становится не проповедь отказа от общественной борьбы, а деятельная любовь к отечеству.

Осознание несправедливости существующего строя сочеталось у Андрея Тургенева с формированием всепоглощающего чувства любви к родине, которое оказало влияние также на его младших братьев и определило известное высказывание Николая Тургенева: «Ни о чем никогда не думаю, как о России. Я думаю, если придется когда-либо сойти с ума, думаю, что на этом пункте и помешаюсь»²¹. Андрей Тургенев, как и его брат Николай, «одну Россию в мире» видел. Это делает его путь чрезвычайно напоминающим политическое развитие декабристов. Принимая участие в организации «Дружеского литературного общества», Андрей Тургенев считал, что цель его — «возжигать сердца наши священным патриотизмом <...> в сии священные минуты каждая мысль, каждое биение сердца в нас да будет посвящено отечеству» (л. 41 об.).

Интересно, что в числе героев-патриотов, следовать которым Тургенев призывает современников, он называет не только Леонида и Аристиду, но и убийцу тирана, республиканца Брута, и Кодра, добровольно пожертвовавшего царским саном и жизнью ради спасения Афин и установления в них республики.

«Ах! Может быть — с восторгом произношу слова сии — может быть, воссияет тут в сердцах наших луч того небесного огня, который согревал сердца Леонидов, Кодров, Брутов и Аристидов. Какое блаженство! друзья мои! Оживлять в груди своей, в нашем тесном кругу тень оных великих времен прошедших, когда всякий человек был ревностным гражданином, сыном отечества, которое с любовью прижимало его к своему сердцу, которому с любовью приносил он в жертву жизнь и все блаженство жизни своей... Проснитесь, дышите в нас величие, бессмертные мужи! веселитесь тем, что чрез целые тысячи лет пример ваш служит светильником на пути нашей жизни!» (л. 42—42 об.). Высокий патриотический пафос, «священный энтузиазм» речей Андрея Тургенева роднит их с публицистическими выступлениями декабристов.

Все силы Андрея Тургенева были направлены на искание истины. Патриотический пафос его в начале 1800-х годов приобретает свободную окраску.

В дневнике его находим строки: «там только, где страдает и теснится невинность, там буду я говорить всегда громко; в таком случае девиз мой: Ни перед кем, ни для чего!».

В том же дневнике Андрей Тургенев записал интересный разговор с А. С. Кайсаровым. Последний рассказал ему о случае издевательства офицера над человеческим достоинством солдата, который должен был являться молчаливым свидетелем поругания своей супружеской чести: «Если бы он в этом терзательном, снедающем адском молчании заколол его! Мог ли бы кто-нибудь, мог ли бы сам бог обвинить его? Молчать! Запереть

ВИД МОЙКИ

Акварель А. Е. Мартынова, 1809 г.

Эрмитаж, Ленинград

весь пламень клочкущей геены в своем сердце, скрежетать зубами, как в аду, смотреть, видеть всё и — молчать! Быть мучиму побоями, быть разжаловану по оклеветаниям этого же офицера! Дух Карла Моора! И в этом состоянии *раба, раба*, удрученного той тяжестью рабства, какое *сердце*, какая нежность, *какие чувства!*»²². В речи на торжественном заседании «Дружеского литературного общества» Андрей Тургенев, обращаясь к отечеству, подчеркнул свободолобивый характер своего понимания патриотизма: «Цари хотят, чтоб пред ними пресмыкались во прахе рабы; пусть же ползают пред ними льстецы с мертвою душою, здесь пред тобою стоят сыны твои! Благослови все предприятия их! Внимай нашим священным клетвам! Мы будем жить для твоего блага». Любовь к отечеству, пишет автор, «заставляет презирать смерть, дабы или здесь сделать отечество свое благополучным, или в небесах найти другое отечество». В письме к Жуковскому от 9 марта 1802 г. Андрей Тургенев сообщал о своих впечатлениях от книги Архенгольда «Annalen der britischen Geschichte»: «Какая воспламеняющая книга! Что французская вольность?

Что Бонапарт? А пронос*: как, брат, умалывается этот великий Бонапарт, которого я любил, которому я удивлялся! Славны бубны за горами, или

Когда какой герой в венце не развратился? ²³.

Есть основания полагать, что Андрей Тургенев не ограничился критикой политического угнетения — внимание его привлекали также вопросы социальной несправедливости и, прежде всего, крепостного права. Следует помнить, что ранняя смерть не дала развернуться этой стороне его воззрений. Мы можем, в этом случае, скорее говорить о направлении развития, а не о законченной системе воззрений. При решении этого вопроса не нужно забывать о дальнейшем пути ближайшего друга и единомышленника Тургенева — Андрея Кайсарова, ставшего ярким противником крепостного права. Некоторые материалы для решения этого вопроса может дать перевод Андреем Тургеневым пьесы А. Коцебу «Негры в неволе». Политический и литературный облик Коцебу достаточно хорошо известен, поэтому в настоящем случае имеет смысл говорить не о самой пьесе, написанной, однако, под прямым влиянием Рейналя (на это указывал сам автор), а об истолковании ее русским читателем. Какое впечатление производили в России, и в частности в семье Тургеневых, наполняющие пьесу пламенные монологи против рабства, можно судить по дневнику Н. И. Тургенева. В феврале 1809 г. он записал: «Сегодня читал с Рандом „Негры в неволе“, соч(инение) Коцебу. Это чтение, хотя и приятное в некоторых отношениях, возродило во мне чрезвычайно неприятные мысли. О Россия, Россия! Если бы жизнь моя могла быть в сем случае полезна славному, доброму русскому народу, сейчас рад бы пожертвовать оною тысячу раз» ²⁴.

В пьесе Коцебу, переведенной Андреем Тургеневым, читатель находит и ужасающие картины угнетения рабов-негров, и яркие монологи о равенстве людей. Карамзин, приблизительно в те же годы, в «Вестнике Европы» использовал описание положения негров (статьи о Тусене-Лювертюре) для подкрепления своей мысли о том, что освобождению должно предшествовать длительное просвещение, что невозможно предоставить свободу «дикому», «непросвещенному» народу. В пьесе вопрос этот решался в противоположном смысле: «Неволя подавляет всякую душевную способность», и, следовательно, никакое «просвещение» невозможно в условиях рабства. На утверждение рабовладельца: «Негры рождаются невольниками», — следует ответ: «Неправда! Никто невольником не родится».

В связи с русской действительностью пьеса Коцебу получала антикрепостнический смысл и не могла не вызывать у читателя тех ассоциаций, которые возникали у Николая Тургенева. Аналогично с положением крепостных в России вызывали и картины избитий негров плантаторами, и рассуждения об отсутствии у негров права собственности. На предложение искать правды в суде негр Труро отвечает: «Суда? мы не можем быть и свидетелями, не только доносчиками. Негр никогда не бывает прав. Всякий европеец, даже иноземец, может бить его, не страшась наказания, а если негр только руку на него поднимет, то он должен умереть немедленно».

Поэтому особенно острый смысл приобретало обращенное к неграм восклицание противника рабства Джона: «О, если б она <кровь негров> закипела, если б отчаяние превратило ее в пламень и вы умертвили бы ваших тиранов» ²⁵.

О том, что положение крепостных крестьян привлекало внимание членов Общества, свидетельствует и другой интересный факт — участие

* Кстати (франц.).

их в постановке яркой антикрепостнической драмы «Солдатская школа». Как указывал В. И. Резанов²⁶, еще Сушков высказал предположение о том, что автором этого произведения был Н. Сандунов. Советские исследователи, обратившие внимание на эту антикрепостническую пьесу, высказывались также в пользу этого предположения. Письма А. С. Кайсарова к Андрею Тургеневу не только позволяют окончательно определить авторство Сандунова, но и устанавливают до сих пор не известный и весьма значительный факт постановки этого произведения в Московском благородном пансионе. До сих пор исследователи полагали, что пьеса не смогла увидеть света рампы и поэтому имела сравнительно небольшой общественный резонанс.

Обстоятельства дела, по письмам А. С. Кайсарова к Андрею Тургеневу, рисуются в следующем виде: произведения Н. Сандунова, привлекавшие внимание современников, были известны и в кружке Андрея Тургенева. 12 июля 1801 г. Кайсаров сообщал: «Я достал некоторые драмы Николая Сандунова и теперь их с Есиповым на скорую руку списываем»²⁷. Пьесы обсуждались участниками Общества, следствием чего, вероятно, и явилась идея постановки «Солдатской школы» на сцене пансиона.

Все вышеизложенное позволяет говорить о неправильности характеристики В. М. Истрина, считавшего, что Андрей Тургенев воспитан «в традициях безусловной покорности власти» и что «для него не так важен был протест против зла и тирании, сколько правдивое и талантливое его литературное изображение»²⁸.

Одновременно с усилением вольнолюбивых настроений Андрей Тургенев из сторонника Карамзина превращается в его сурового критика. Произнесенная им на заседании «Дружеского литературного общества» речь замечательна своим сходством с основными пунктами литературной программы декабристов. В речи «О русской литературе» Андрей Тургенев выступил с резким осуждением карамзинского направления: «Он <Карамзин> более вреден, нежели полезен нашей литературе...». В чем же заключается вред Карамзина? По мнению Тургенева, прежде всего в отказе от гражданственной тематики и, во-вторых, в отсутствии национальной самобытности творчества: «... пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее...»²⁹

Требую оригинального, не заимствованного ни откуда содержания литературы, выражения в литературе народной жизни, Андрей Тургенев смело отвергает существовавшую литературную традицию, противопоставляя ей народное творчество: «Что можешь ты узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина; в одном только Державине найдешь очень малые оттенки русского; в прекрасной повести Карамзина „Илья Муромец“ также увидишь русское название, русские стопы³⁰ и больше ничего <...> Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы, в сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях, находим мы и чувствуем еще характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие. В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленяющая унылость, такие красоты чувства, которых тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы». Особо примечательна мысль Тургенева о связи литературы и жизни. Он считает, что характер современной литературы изменился бы только с изменением действительности: «Для сего нужно, чтобы мы и в обычаях, и в образе жизни, и в характере обратились к русской оригинальности».

Итак, Тургенев требует, чтобы содержание литературы было «великое, важное и притом истинно русское». Обосновывая необходимость вы-

сокой торжественной поэзии, он противопоставляет Карамзину Ломоносова и даже Хераскова. Реформатором русской литературы «должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русской оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей литературе; иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных, питательных плодов»³¹.

В критике Карамзина и в противопоставлении ему Ломоносова позиции Андрея Тургенева и Мерзлякова, видимо, совпадали, но дальше начинались различия. Неприязнь Мерзлякова к Карамзину и его симпатии к литературе XVIII в. были определены общим демократическим характером его мировоззрения. Дворянскому, карамзинскому идеалу «внутренней свободы» Мерзляков противопоставлял требование общественно-полезной деятельности. Здесь между ним — в будущем профессором-разночинцем, представителем университетской науки — и Андреем Тургеневым, в сознании которого, видимо, зрели элементы дворянской революционности, можно отметить существенное различие. Отрицательно относясь к современной ему дворянской литературе, Мерзляков считал Ломоносова непререкаемым авторитетом. Литературная программа Андрея Тургенева была иной: она включала требование поэзии не только торжественной, но и свободолюбивой. С этих позиций он критиковал и Ломоносова. В речи «О поэзии и о ее злоупотреблении» он утверждал: «Смею сказать, что Ломоносов, творец российской поэзии, истощая все дарования на похвалы монархам, много потерял для славы своей. Бессмертная муза его должна бы избирать и предметы столь же бессмертные, как она сама. Все почти оды его писаны на восторжество, на день рождения и тому под(обное)»³².

Таковы были литературные взгляды Андрея Тургенева. Анализ их объясняет появление столь яркого гражданственного, патриотического произведения, как стихотворение «К отечеству», — произведения, сыгравшего известную роль в подготовке гражданской поэзии декабризма³³.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЧЬ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА «О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ»³⁴

Любовь к отечеству есть то сердечное чувство, которое с самых нежнейших лет наших привязывает нас к нашей родине, укрепляется, развивается в нас с годами и, наконец, обращается для нас в природу и сливается, так сказать, с душою нашею. Сперва оно есть только чувство; не знаяще, что такое отечество, мы уже любим его; но мало-помалу, когда разум начинает в нас действовать, мы видим, что должны следовать сердечному нашему движению, что мы должны любить его, потому что оно приняло нас прежде всего в свои недра, потому что в нем научились мы любить людей, потому что в нем живут, к нему принадлежат те, которым обязаны мы сохранением, украшением бытия нашего, — одним словом, потому что оно наше отечество.

Нужно ли спрашивать: добродетель ли *любовь к отечеству*? Посмотрите на ее действия! Если добродетель состоит в великих пожертвованиях, если главное свойство ее есть забвение, пренебрежение самой себя для счастья братьев своих, то что же больше патриотизма имеет право на звание добродетели? Не им ли одушевляемы были величайшие герои древности, чьих память, и поныне для нас священная, подобно чистому пламени, воспламеняет нас к великим делам, заставляет презирать смерть, дабы или здесь соделать отечество свое благополучным, или в небесах найти другое отечество.

Есть люди, которые, любя всем сердцем страну своего рождения, обманывают самих себя и, следуя софизмам острого разума, утверждают, что для истинно просвещенного человека нет отечества, что он не есть патриот, а гражданин вселенной...

О вы, которые, вопреки своему мнению, любите, может быть, свое отечество и всею душою ему преданы, уверьтесь, что нельзя быть гражданином вселенной, не будучи патриотом, что одно только наше отечество может привязать нас ко всей вселенной так, как маленький уголок земли, в котором родились мы, связывает нас с нашим отечеством. Тщетно, оторвавшись от своей родины, от своего отечества, стали бы вы искать его во вселенной, вы бы пробежали глазами целый мир и возвратились бы беднее в сердце своем, нежели были прежде. Разве не чувствуете вы, что с самого детства вашего до глубокой старости отечество ваше имеет для вас какой-то тайный, но внятный голос, которого не могут заглушить ревушие моря, который следует за вами чрез степи непроходимые и часто, несясь с какой-нибудь печальной, снежной горы, из бедной хижины, окруженной мрачными соснами, постигает вас на бархатных коврах, на лужах розовых, под тению благовонных мирт; ничто не может заглушить его, потому что источник его в вашем сердце. Чей же голос будете заглушать вы, заглушая голос любви к отечеству? Не глас ли природы, не тот ли священный, неизменяемый глас, из которого проистекли все законы общественные?

Положим, что я бы согласился с вами. Что же тогда для меня все те великие мужи, богоподобные по своей добродетели, которых жизнь должна бы и для меня служить некогда образцом, которых дела красноречивее всех учений философии наставляли мою душу, имели на нее самое доброе, самое спасительное влияние? Герои сокрылись; я вижу младенцев, которые, гонясь за мечтою, не видят под собою бездны, покрытой для них цветами.

Любовь к отечеству — мечта; подите ж, уверяйте этому Кюдра, когда он идет принести жизнь свою на жертву отечества; уверяйте его, что он лишается жизни для одной химеры, что для истинного философа все народы земные равны, что если отечество его падет, то он спокойно может перейти к победителям и вместе с ними на развалинах Афин наслаждаться жизнью...

Взгляните с сострадательною улыбкою на сего божественного Регула, на сих спартанцев, которые навеки отреклись от жизни. Истребите в них эту блаженную мысль, что все те, которые связаны с ними святейшими узами родства, дружбы, которых одна земля с ними питала, будут проливать слезы пламенной благодарности над их могилою; потушите в них это пламя, которое их ослепляет, раскройте глаза им. Пусть философия вознесется над развалинами патриотизма. Мы увидим в них просвещенных, ясно-видящих философов; но где же будет герой, полубог? где будет добродетель? Ах, может ли она существовать в одном разуме; может ли один холодный разум побудить нас к тем великим пожертвованиям, которые добродетель делают добродетелию?

Какую священную, неизъяснимую силу имеет над нами место нашего рождения! Если бы мы были несправедливо отвергнуты нашим отечеством, если бы мы в изгнании, в удалении от него влачили жизнь свою, если бы оно поступило с нами не так, как с сынами нежными, но как с мятежными рабами, и тогда одно слово его было бы для нас наградою за все претерпенное, одно слово проникнуло бы сердца наши, мы бы забыли всю несправедливость его и с новым жаром, с новым усердием устремились бы на его помощь. Но мы, любезные друзья! мы наслаждаемся благими дарами его; мы получаем от него все, что оно дать нам может, и, оставя все прочее, благодарность одна велит уже нам быть верными его сынами.

Патриотизм некогда и самих злодеев посвящал в героизм.

О ты, пред которым в сии минуты благоговейт сердца наши в восторге радости! Цари хотят, чтоб пред ними пресмыкались во прахе рабы; пусть же ползают пред ними льстецы с мертвою душою; здесь пред тобою стоят сыны твои! Благослови все предприятия их! Внимай нашим священным клятвам! Мы будем жить для твоего блага; ты, может быть, забудешь, оставишь детей, но дети твои никогда, нигде тебя не забудут.

Л(юбезные) д(рузья), не допустим, чтобы это радостное торжество было одною детскою забавою; да обратится оно для нас в нечто важнейшее, да освятит оно навсегда сердца наши любовью к отечеству. В согласии наших душ поклянемся пред ним быть его сынами, с опасностью всего жертвовать его благоденствию; может быть, некогда сей священный энтузиазм погаснет в бурях мира, сердца наши охлаждаются, но горе нам, если мы когда-нибудь забудем этот день, в который мы свободно произнесли обеты наши пред алтарем отечества.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. об этом главу «Из истории гражданской поэзии 1800-х годов». — В кн.: В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 360—493; статью И. Н. Медведевой «Гнедич и декабристы». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 101—154, и ряд других работ.

² Характерна ошибка составителя сборника «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика» (М.—Л., 1951), В. Н. Орлова, включившего находящуюся в дневнике Н. И. Тургенева короткую цитату из этого стихотворения, под условным названием «Родине», в раздел произведений Н. И. Тургенева (стр. 179). Следует отметить, что и запись в дневнике, на которую ссылается составитель, сделана не Н. И. Тургеневым, а его младшим братом Сергеем (см. об этом в подстрочном примечании — «Архив Тургеневых», т. II, вып. 3, стр. 7), и, следовательно, атрибуция этих стихов Н. И. Тургеневу представляет явное недоразумение. В напутствии на дорогу брату Сергей Тургенев цитировал, бесспорно, хорошо известные в семье, стихи Андрея Тургенева.

³ «Вестник Европы», 1803, № 4, стр. 277 (в 1806 г. издано отдельной листовкой). Написано, видимо, несколько ранее. В 1803 г., вернувшись из-за границы, Андрей Тургенев напечатал некоторые произведения периода 1800—1802 гг.

⁴ «Архив Тургеневых», вып. 2.

⁵ В. М. Истрин. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых). — «Журнал Министерства народного просвещения», 1910, № 8, стр. 272—307; его же. Из архива братьев Тургеневых. I. Дружеское литературное общество 1801 г. (Дополнение). — Там же, 1913, № 3, стр. 1—15.

⁶ «Архив Тургеневых», вып. 2, стр. 101.

⁷ См., например, работу В. И. Резанова «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского». СПб., 1906. — Как отмечал В. М. Истрин, «Резанов не дает (...) истории общества, хотя в его книге обширный отдел, стр. 176—275, и носит заглавие „Дружеское литературное общество“» (В. М. Истрин. Указ. статья, стр. 273). В 1916 г. В. И. Резанов опубликовал второй выпуск своего исследования, в котором воспользовался документальными находками Истрина. Автор обильно процитировал речи членов «Дружеского литературного общества», однако убедительного анализа идейной жизни этой организации не дал, присоединившись к словам А. А. Фомина (см. прим. 30), что содержание речей Андрея Тургенева «не требует никаких объяснений и может вызывать только восторг пред молодым критиком» (В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. II. Пг., 1916, стр. 145). Ни методология работы, ни выводы, к которым приходит автор, не могут быть признаны научно обоснованными.

⁸ ИРЛИ. Архив Тургеневых, ф. № 309, ед. гр. 618, л. 43.

⁹ «Архив Тургеневых», вып. 2, стр. 51.

¹⁰ К. В. Сивков. Самозванчество в России последней трети XVIII в. — «Исторические записки», т. VI, 1950, стр. 90.

¹¹ Открыто тираноборческий характер имели и другие выступления Воейкова. 8 марта 1801 г., за несколько дней до убийства Павла I, он произнес речь «О героизме», а 11 мая 1801 г. — ровно через два месяца после дворцового переворота — в речи «О предприимчивости» говорил: «... Предприимчивость свергает с престола тиранов, освобождает народы от рабства, обнажает хитрости обманщиков, открывает ослепленным народам и жрецам их — коварных тунеядцев, в богах — истуканов... Предприимчивость для суеверия есть всемогущий бог, громами поражающий» (л. 110—110 об.).

Более откровенный тон последней речи объясняется общим изменением политической атмосферы после 11 марта 1801 г.

¹² «Денвиль и Фанни». — «Пантеон иностранной словесности», 1798, ч. I, стр. 157.

¹³ Н. М. Карамзин. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862, стр. 199 (подлинник на франц. яз.).

¹⁴ Взгляды Карамзина переживали эволюцию. В данном случае мы имеем в виду лишь его мировоззрение конца 1790-х годов.

¹⁵ А. Ф. Мерзляков в. Россиада, поэма эпическая г. Хераскова. (Письмо к другу). — «Амфион», 1815, январь, стр. 52. — Статья, как указывал сам автор, отражала споры в «Дружеском литературном обществе». «И намерен, — писал Мерзляков, — изобразить здесь тогдашние наши размышления о Россиаде <...> в память бесценных бесед наших» (стр. 45—46).

Отрицательное отношение Мерзлякова к Карамзину не дает еще, конечно, основания зачислять его в сторонники Шишкова. См., например, его статью «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии». — «Труды Общества любителей российской словесности», 1812, ч. I, стр. 55—110.

¹⁶ «Аглая», ч. II, посвящение.

¹⁷ Н. М. Карамзин. Веселый час. — Сочинения, т. I. М., 1903, стр. 35.

¹⁸ «Архив Тургеневых», вып. 2, стр. 46. — Конъектура В. М. Истрипа.

¹⁹ Там же, стр. 430.

²⁰ ГПБ. Архив Жуковского, оп. 2, ед. хр. 320, л. 2—2 об.

²¹ «Письма Н. Тургенева», стр. 200.

²² «Архив Тургеневых», вып. 2, стр. 80, 83.

²³ А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918, стр. 53. — Увлечение Бонапартом — республиканским генералом столь же типично, как и последующее разочарование. «Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом», — вспоминал С. Н. Глинки (Записки С. Н. Глинки. СПб., 1895, стр. 194).

²⁴ «Архив Тургеневых», вып. 1, стр. 210. — Ср. отрывок В. В. Попова «Негр». Анализ этого произведения см. в кн.: В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 206—209. Здесь же дается перечень связанных с этой темой материалов и высказываний. К приводимым В. Н. Орловым данным можно было бы прибавить, например, переклад «Несчастья от кареты» княжнина, содержащийся в записках С. Н. Глинки: «Была беда и от смычков гончих и борзых собак, на которых обменивали семьи крестьян; была беда и от торгашей; переселяли на лицо земли русской перекупы негров» (Записки С. Н. Глинки. СПб., 1895, стр. 95).

²⁵ «Негры в неволе. Историко-драматическая картина...» М., 1803, стр. 41—43.

Рукопись перевода пьесы (писарский текст с авторской правкой) хранится в Научной библиотеке Московского гос. университета им. М. В. Ломоносова.

²⁶ В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, стр. 48.

²⁷ ИРЛИ, Архив братьев Тургеневых, ф. № 309, ед. хр. 50, л. 193 об.

Работа над постановкой вызвала, видимо, сопротивление со стороны директора пансиона Прокоповича-Антонского. 18 ноября 1801 г. Кайсаров сообщал другу, что в прошлое воскресенье спектакль не состоялся: «Опять нашлись историко-энциклопедические причины» (Антонский преподавал «Историю и энциклопедию») (там же, л. 40). Смысл этих «причин» Кайсаров разъяснил в письме от 19 декабря 1801 г.: Антонский «боится развратить своих питомцев светскими пьесами» (л. 58). Однако постановка все же была осуществлена, руководил ею сам Сандунов. «Прошлую пятницу, — сообщает Кайсаров, — была у нас проба, на которой был Ник. Сандунов, который нас учил» (л. 40 об.). Первое представление пьесы, видимо, состоялось 8 декабря 1801 г. На другой день Кайсаров писал другу в Петербург: «Брат! Брат! Для чего тебя тут не было! Для чего не был ты свидетелем моего триумфа?... Я играл вчера Стодума в „Солдатской» школ(е)“ — и уверяют будто совершенно. Сам Санд(унов), с которым мы незадолго перед этим крепко побранились, сам он прыгал от радости... Батюшка <И. П. Тургенев> вчера мне сказал: „Ну, брат Андрехан, vous avez surpassé mes attentes“»*.

Пьеса шла несколько раз, так как в конце декабря Кайсаров сообщал об изменении состава участников. Постановка не прошла незамеченной. Кайсаров писал Тургеневу: «Достигла слава об игре моей до Померанцова, и он жалеет, что не выдал меня. Во второе представление, которое имеет быть на святках, непременно приглашу его» (л. 145 об.). Боевой, антикрепостнический характер пьесы объясняет смысл записи в дневнике Николая Тургенева: «Да, я помню те времена, когда я не спал ночей, думая все о блаженной минуте, когда я пойду в университетский театр» («Архив Тургеневых», вып. 3, стр. 180—181).

²⁸ «Архив Тургеневых», вып. 2, стр. 82, 83.

* вы превосшли мои ожидания (франц.).

²⁹ А. А. Ф о м и н. Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров. — «Русский библиофил», 1912, № 1, стр. 29. — Требование самобытности литературы для единомышленников Андрея Тургенева имело программный характер. В речи «О трудности учения» Мерзляков говорил: «Кажется, вкус по зернышку рассыпан по всем краям света. Итак, чтобы собрать его, поезжай в Англию, во Францию, в Германию и пр. <...> бедный молодой человек теряет свой собственный дух, дух своего языка, пишет по-французскому и по-немецкому, на русском лишается навсегда истинной части оригинала. Мне скажут, что благоразумное внимание к красотам иностранным может избежать сих пороков. Не знаю <...> Представим русского — мы не имеем еще собственных образцов во всех родах сочинений, все наши писатели рождаются, так сказать, во французской библиотеке <...> воспитывают нас иностранно, начиная от катехизиса, от календаря — все на иностранном» (гл. 104 об. — 105 об.).

³⁰ В публикации Фомина ошибочно: «стоны». Исправляем по рукописи.

³¹ Там же, стр. 26—30.

³² Речь хранится в ИРЛИ. Цитирую по черновому наброску. — ГПБ. Архив Жуковского, оп. 2, ед. хр. 326, л. 19.

³³ Любопытно, что В. К. Кюхельбекер в дневнике, написанном в крепости, отметил, что «никогда не знавал «рано отцветшего Андрея Тургенева», «которого память была мне всегда, не знаю почему, особенно любезна», писал: «Несчастна Россия насчет людей с талантом; этот юноша, который в Благородном пансионе был соперником Жуковского и, вероятно, превзошел бы его, умер, не достигнув и 20-ти лет». Поэзия Андрея Тургенева в начале XIX в. пользовалась известностью. В том же дневнике Кюхельбекер записал: «С удовольствием я встретил в „Вестнике“ известную элегию покойного Андрея Тургенева (брата моих приятелей). Еще в лице я любил это стихотворение, и тогда даже больше „Сельского кладбища“, хотя и был в то время энтузиастом Жуковского» («Дневник Кюхельбекера», стр. 63, 64, 66).

³⁴ ГПБ. Архив Жуковского, оп. 2, ед. хр. 326. Черновая рукопись на нескольких листах в следующей последовательности: лл. 9, 10, 11, 8. Заглавие условное.

Обнаруженная в архиве Жуковского черновая рукопись речи Андрея Тургенева не вошла в рукописный сборник речей, произнесенных на очередных заседаниях «Дружеского литературного общества». Между тем сборник, как явствует из неопубликованной переписки Андрея Кайсарова и Андрея Тургенева, включает в себя полностью все речи, произнесенные на регулярно проходивших дружеских встречах. Речь, видимо, была подготовлена с другой целью. Установить эту цель позволяют следующие данные. Параграф LIII «Законов» «Дружеского литературного общества» требовал, чтобы сверх обычных встреч «всякие три месяца происходили экстраординарные собрания, или торжества. Каждый из сих праздников может носить на себе особенное имя. Иной посвящается отечеству, другой — какой-нибудь из добродетелей, третий, например, — поэзии...». Как было установлено В. М. Истриным, первое торжественное заседание происходило 7 апреля 1801 г. и было посвящено отечеству. Обстановка этого экстраординарного собрания восстанавливается из более позднего письма Андрея Тургенева. Говоря о дружеском вечере в Петербурге, Тургенев пишет находящимся в Москве друзьям по Обществу: «Мы разгорячились, как тогда, *когда праздновали торжество наше в честь отечеству*. Вспомните этот холодный еще, сумрачный апрельский день и нас в развалившемся доме, окруженном садом и прудами. Вспомните гимн Кайсарова, стихи Мерзлякова, вспомните себя и, если хотите, *и речь мою* <курсив мой. — Ю. Л.>, шампанское, которое вдвое нас оживило, торжественный, веселый ужин, соединение радостных сердец» (В. М. Истрин. Указ. соч., стр. 277).

Андрей Тургенев рассматривал это заседание как центральное событие в жизни Общества и предлагал друзьям ежегодно отмечать 7 апреля как день памяти «Дружеского литературного общества». Истрин считал, что «гимн Кайсарова и речь Тургенева до нас не дошли» (указ. соч., стр. 279). Обнаружение текста последней не только восполняет существенный пробел в документальном фонде исследователя «Дружеского литературного общества», но и позволяет по-новому оценить торжество 7 апреля 1801 г. Истрин связывает заседание с получением университетом «милостивых рескриптов» императора. Не смущаясь хронологической неувязкой (рескрипты были получены позже, чем состоялось дружеское торжество), автор пишет: «Повидимому, члены Дружеского литературного общества, узнав заранее о рескрипте, устроили свое торжественное собрание... Такое событие, как ожидаемое получение рескрипта университету, где директором был отец-Тургенев, и воспламенило наших сочленов» (там же, стр. 278—279).

Текст речи Андрея Тургенева позволяет восстановить совсем иную картину. Торжество не имело официального характера. Вольнолюбивая, направленная против тиранов речь Андрея Тургенева, видимо, отражала общий дух заседания 7 апреля 1801 г., дух свободолюбия и патриотизма. В этом смысле особенно знаменательны выпады против царей и льстецов, содержащиеся в речи Андрея Тургенева.